

равного положения с Синезием считали регулярные морские путешествия обычным явлением в своей жизни. Частые путешествия из Александрии и даже из Пентаполя во Фракию упомянуты в разных местах переписки¹. Афинский торговец является два года подряд в Пентаполь². Когда Синезий проектировал свою поездку в Афины, он поручил брату, жившему в Фикунте, сообщить, когда судно будет готово для отплытия в Пирей³. Судно Синезия, посланное в Константинополь с подарками и ковром, совершало туда уже третий рейс со времени отъезда Синезия из Константинополя⁴.

Когда буря забросила Синезия в Азарий во время его беспокойного путешествия 402 г., там находилось не менее 5 судов, укрывшихся от бури⁵. Но судоходство между Киренаикой и Александрией, по-видимому, не находилось в цветущем состоянии. Корабль, который в 402 г. вез Синезия и 50 других пассажиров из Александрии в Киренаику и обслуживался капитаном и 12 матросами, был плохо оборудован, экипаж его составляли плохие моряки, а капитан его Амарант, по сообщению Синезия, был так обременен долгами, что только смерть казалась ему избавлением от них.

Кредит был необеспечен, а проценты высоки. Синезий, отправляясь на родину из Константинополя, занял 60 номисм у своего друга — „удивительного“ Прскла. Прокл написал долговую расписку на 70 номисм. Синезий возвратил 80 номисм, на одну треть больше, чем занял, но, в свою очередь, потребовал у Прокла расписку в получении денег⁶.

Должности правителей провинций, как и вообще все ответственные должности, продавались правительством за большие деньги; искатели этих должностей делали при их покупке большие долги, и Синезий писал своему другу Пилемону, что он может в Константинополе легко заметить новых получателей должностей по „хвосту“ заимодавцев, следующих за ними⁷.

Как это и подобало человеку знатного происхождения, Синезий, восхваляя жизнь земледельческую, с величайшим презрением относится к „племен“ людей, делающих деньги, называет их подонками общества, какие могут пользоваться почетом только в совершенно развращенном мире. „Я, — говорит он, — считаю профессию, ставящую своей целью наживу, низкой, нечестивой и совершенно неблагородной; в одном только больном государстве она может занимать не совсем низкое место. Такие люди сами являются виновниками своей низости, потому что мыслят о главном и второстепенном в противоречии с велениями природы. Природа определила тело на служение душе, внешние блага — на служение телу. Последнему она дала второстепенное место. Они же и душу и тело подчиняют наживе. Поэтому, бесчестя самих себя и порабощая главнее в себе, что они могут сделать и посоветовать великого и благородного? Признавая их ниже и ограниченнее муравьев, я не покраснею за истину. Ибо те измеряют приобретение потребностями жизни, тогда как эти находят возможным жизнь измерять приобретением и потребностью прибыли“⁸.

¹ PG, t. 66, col. 1404—1405; 1509—1512; 1521.

² Ibid., col. 1380.

³ Ibid., col. 1381.

⁴ Ibid., col. 1405.

⁵ Ibid., col. 1337.

⁶ Ibid., col. 1509.

⁷ Ibid., col. 1469.

⁸ Ibid., col. 1101. См. ВВ, т. VI, 1953, стр. 355.